U 318/1362

2007110161

СТРОЕНІЕ ВОЕННЫХЪ СУДОВЪ ВЪ РОССІИ ПРИ ЦАРЯХЪ МИХАИЛѢ ѲЕОДОРОВИЧѢ И АЛЕКСІИ МИХАИЛОВИЧѢ (*).

Въ 1613 году вступилъ на престолъ Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, и это событіе благодѣтельно отозвалось для Россіи. Приглашая на царство юнѣйшаго изъ семьи древняго и именитаго боярс[illegible] дома Романовыхъ, будущіе его подданные мо[illegible]казать ему, какъ нѣкогда сказали ихъ предки Р[illegible]рик[illegible]: «земля наша богата и велика, но устройства въ ней нѣтъ». Отечество наше было такъ сильно потрясено послѣдними войнами при Іоаннѣ Грозномъ, внутренними волненіями въ государствованіе Бориса и гибельными смутами во времена самозванцевъ, что нуждалось въ покоѣ. Только при этомъ условіи, только при продолжительномъ мирѣ, Россія могла опять укрѣпиться въ силахъ, и, пользуясь своими естественными богатствами, своимъ географическимъ положеніемъ, дѣятельностью своего народа, составить собою самостоятельное, могучее государство, — можно сказать особую часть свѣта. Царствованіе Михаила, ни громкое завоеваніями, ни славное успѣхами оружія, — какимъ оно и не могло быть по обстоятельствамъ, — было полезно, было благотворно для Россіи, по своимъ послѣдствіямъ.

(*) Статья эта есть вторая глава труда обработываемаго мною, по порученію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, и приготовляемаго къ печати, подъ заглавіемъ: *«Начало Русскаго флота и состояніе его на Азовскомъ и Черномъ моряхъ до кончины Императора Петра Великаго»*. См. Морской Сборникъ 1853 года, № 1, Библіографія, стр. 1.

Первая глава, содержащая обзоръ мореходства Русскихъ отъ начала Россійскаго Государства, до исхода XVII столѣтія, служитъ необходимымъ вступленіемъ или введеніемъ *въ полное сочиненіе*, и въ составѣ его имѣетъ свой интересъ, но не можетъ имѣть его въ такой же степени, если будетъ напечатана отдѣльно. *Примѣч. автора.*

Это было время постепеннаго уврачеванія тѣла больнаго, изнуреннаго, изъязвленнаго, но еще юнаго, полнаго жизни и силы.

Ознаменованное въ исторіи Русскаго мореходства открытіями Сибирскихъ рѣкъ Яны, Индигирки, Колымы и Амура, — собственно въ исторіи Русскаго флота, государствованіе Михаила Ѳеодоровича замѣчательно построеніемъ *перваго военнаго корабля въ Россіи.* Вспомнимъ при этомъ, что, за исключеніемъ немногихъ случаевъ въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ, у насъ никогда не употребляли слово *корабль* для названія своихъ судовъ, предоставляя его исключительно большимъ купеческимъ и паруснымъ военнымъ судамъ иностраннымъ. Слѣдовательно, сооруженіе въ нашихъ предѣлахъ *корабля,* въ томъ смыслѣ какъ тогда понимали, было у насъ дѣломъ новымъ, явленіемъ невиданнымъ.

Выше говорено, что при Іоаннѣ Васильевичѣ IV, съ 1555 года, Англичане начали приходить, для торговли, въ устья Сѣверной Двины. Желая развить эту торговлю еще болѣе, они отправили въ 1558 году, съ согласія и при содѣйствіи Русскаго Правительства, въ Каспійское море, мастера Дженкинсона (Jenkinson). Купивъ въ Астрахани мореходное судно, Дженкинсонъ нагрузилъ на него привезенные имъ товары, и дошедъ до Мангишлака отправился оттуда сухопутно, въ Бухарію. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился изъ своего путешествія, а въ 1562 пріѣхалъ опять, и на этотъ разъ торговалъ въ Персіи. Послѣ него Англичане ѣздили туда, чрезъ Каспійское море, въ 1564, 1565, 1568 и 1569 годахъ, намѣреваясь пробраться въ Индію, но не имѣли успѣха. Вообще, и плаванія ихъ по морю, и путешествія по сушѣ, были очень неблагопріятны; такъ, что въ теченіе десяти лѣтъ они не нашли себѣ послѣдователей.

Попытки Британцевъ завести чрезъ Россію торговлю съ Прикаспійскими и Закаспійскими странами казались уже навсегда оставленными, когда, въ 1579 году, общество англійскихъ купеческихъ факторовъ, погрузивъ въ Холмогорахъ свои товары на Русскія рѣчныя суда, повезло ихъ, по Двинѣ и Сухонѣ, водою, до Вологды; отсюда, на телѣгахъ, до Ярославля, а отъ Ярославля, на стругахъ, до Астрахани. Прозимовавъ въ этомъ городѣ, Англичане сѣли на заблаговременно-приготовленное купеческое судно, и направили свой путь къ берегамъ Ширвани, гдѣ дѣла ихъ пошли весьма неудачно. Опытъ заведенія торга въ Баку также не принесъ прибыли, и предпріимчивые торговцы лишась большей части своихъ товаровъ, пошли назадъ, въ Астрахань, но застигнутые бурею, а потомъ затертые во льдахъ, съ трудомъ добрались туда, въ началѣ 1581 года, и то уже берегомъ, много пострадавъ отъ стужи и голода. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства охладили ревность Англичанъ къ учрежденію торговли съ Востокомъ чрезъ Каспійское море. Хотя въ послѣдствіи они и ѣздили въ Персію, но уже иными путями, преимущественно чрезъ Персидскій заливъ.

То, въ чемъ не имѣла успѣха Англія, было возобновлено Голштиніею.

Въ 1633 году, Шлезвигъ-Голштинскій Герцогъ Фридрихъ пожелалъ завезти у себя, въ городѣ Фридрихштатѣ, торговлю шелкомъ, въ то время почитавшуюся въ Европѣ самою выгодною, и какъ этимъ предметомъ наиболѣе изобиловала Персія, то онъ и предположилъ войти съ нею въ прямыя торговыя сношенія. Исполненіе этого могло осуществиться не иначе, какъ при согласіи Россіи, чрезъ которую надлежало провозить товары, и потому Герцогъ предварительно отправилъ къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу нарочное посольство. Оно прибыло въ

Москву въ Августѣ 1634 года и было принято весьма благосклонно. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ уполномоченными отъ Русскаго Правительства лицами, — причемъ успѣху дѣла много содѣйствовало посредничество Швеціи, — въ Декабрѣ мѣсяцѣ посланники отправились въ отечество, съ отвѣтомъ, что Царь дозволяетъ Голштинцамъ не только производить, чрезъ его владѣнія, въ теченіи десяти лѣтъ, торговлю съ Персіею, а оттуда съ съ Индіею, но и построить для того, въ Нижнемъ Новѣгородѣ, десять кораблей, вооруженныхъ пушками. Послѣднее было необходимо, по причинѣ разбоевъ, постоянно производившихся въ низовьяхъ Волги на Каспійскомъ морѣ. Въ Царской грамотѣ, писанной къ Герцогу, между прочимъ, было сказано: «А тобъ тобѣ Вельможному Ѳредерику вѣдати, что той торговли въ Персиду прежъ того прошали у насъ и иные государи и ихъ подданные, и мы Великій Государь дати имъ не произволили».

Вскорѣ за этою грамотою, состоялась другая, въ Нижній Новгородъ, на имя тамошняго Воеводы Шереметева и Дьяка Пустынникова, въ которой, между прочимъ, было писано: «А по нашему указу договорилися бояре наши, съ Голштинскими послы, что ходити имъ въ Персиду изъ Ярославля Волгою на десяти кораблѣхъ, а корабли имъ дѣлати въ нашей землѣ, гдѣ такіе лѣса, которые къ тому дѣлу годны найдутъ, а тотъ лѣсъ покупати имъ у нашихъ людей вольною торговлею, а плотниковъ къ тому корабельному дѣлу, къ ихъ корабельнымъ мастерамъ въ прибавку, наймовать нашихъ подданныхъ охочихъ людей, и наемъ имъ платити, по договору съ ними, вольною торговлею, *а отъ тѣхъ плотниковъ корабельнаго мастерства не скрывать.* И били намъ челомъ Голштинскіе послы, чтобы намъ пожаловати велѣти имъ тѣ корабли дѣлати въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, у кого такіе лѣса найдутъ, а для того корабельнаго дѣла, повелѣти

бы имъ отпустити въ Нижній-Новгородъ Московскаго торговаго Нѣмчина Анца Беркова, да съ нимъ четырехъ человѣкъ своихъ Голштинскихъ людей, да корабельнаго мастера. И мы, по челобитію Голштинскихъ пословъ, тѣхъ людей въ Нижній-Новгородъ, для корабельнаго дѣла отпустили». Упоминаемый въ этой грамотѣ Анцъ Берковъ, или, какъ писали его Голштинцы, Hans Berck, а по Русскимъ бумагамъ Иванъ Бережитцкій, — былъ *сынъ Московскаго служилаго Нѣмчина*, жившій нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, *для наученія торговаго промысла у Московскихъ и у пріѣзжихъ Нѣмецкихъ торговыхъ людей.* Назначенные къ отправленію въ Нижній-Новгородъ, вмѣстѣ съ Беркомъ, были: Любекскій уроженецъ *Кордесъ*, опытный мореходъ, нанятый Голштинскими послами, еще до пріѣзда ихъ въ Россію и долженствовавшій имѣть главный надзоръ за строеніемъ кораблей; корабельный мастеръ *Іостенъ*, родомъ изъ Швеціи, и еще трое, названные въ дѣлахъ нашего Посольскаго Приказа: *Зелеръ*, *Стирпомясъ* и *Кранцъ*. Званія ихъ неизвѣстны.

Всѣ эти лица поѣхали изъ Москвы около 1-го Января 1635 года, и прибывъ въ Нижній-Новгородъ, при дѣятельномъ содѣйствіи мѣстнаго начальства, съ помощію русскихъ мастеровыхъ, приступили къ работамъ. Такъ какъ посольство, по отданіи Голштинскому правительству отчета въ успѣхѣ своихъ переговоровъ, долженствовало возвратиться въ Москву, а оттуда ѣхать въ Персію, для заключенія съ Шахомъ торговыхъ условій, то и положено было на первый разъ ограничиться постройкою только одного корабля, на которомъ посланники могли бы совершить свое путешествіе, чрезъ Каспійское море. Отъ послѣдствій переговоровъ зависѣло сооруженіе остальныхъ девяти кораблей.

Со стороны нашего Правительства оказываемо было всевозможное пособіе къ безостановочному строенію

корабля, но постоянныя ссоры между Кордесомъ и Беркомъ, изъ которыхъ каждый домогался первенства въ управленіи работами, и несогласія перваго изъ нихъ съ русскими мастеровыми, много замедляли ходъ дѣла. Это было причиною, что голштинское посольство прибывъ въ Нижній-Новгородъ въ послѣднихъ числахъ Іюня 1636 года, нашло корабль еще неоконченнымъ, хотя впрочемъ, онъ уже былъ спущенъ на воду. Болѣе трехъ недѣль прожили посланники на мѣстѣ, частію на самомъ кораблѣ, а частію въ раскинутомъ на берегу шатрѣ, пока всѣ работы были приведены къ концу.

Построенный подъ надзоромъ Кордеса корабль былъ изъ еловаго лѣса, плоскодонный, безъ киля, съ тремя мачтами, со многими каютами внутри, и съ пушками, — неизвѣстно въ какомъ числѣ, — для отраженія разбойничьихъ нападеній. Онъ имѣлъ въ длину 120, въ ширину 40, а въ водѣ сидѣлъ 7 футовъ. Голштинцы назвали его, въ честь своего герцога, *Frideric*, и по случаю множества мелей на Волгѣ, приспособили къ ходу на веслахъ, по двѣнадцати съ каждой стороны, устроивъ въ кораблѣ двѣнадцать банокъ, или скамей, для гребцовъ. Вмѣстѣ съ кораблемъ, построена была для него и большая шлюпка.

На кораблѣ должны были отправиться 78 пассажировъ разнаго званія, составлявшихъ посольство, его свиту и прислугу; 12 морскихъ офицеровъ, матросовъ и другихъ служителей; 3 офицера и 27 нижнихъ чиновъ, изъ находившихся въ русской службѣ Шотландскихъ и Нѣмецкихъ войскъ, нанятыхъ Голштинцами съ Царскаго разрѣшенія, и 5 чернорабочихъ изъ Русскихъ. Званіе капитана корабля было предоставлено Кордесу.

По совершенномъ окончаніи всѣхъ работъ на кораблѣ, посольство отправило депутацію къ Шереметеву, для принесенія ему благодарности за содѣйствіе Кордесу и его помощникамъ, и 30-го Іюля (нов. ст.) оставило Ниж-

ній-Новгородъ. Корабль шелъ надъ парусами, лавируя по причинѣ противнаго вѣтра и едва прошелъ двѣ версты, какъ сѣлъ на мель. Сойдя съ нея, послѣ четырехчасовыхъ усилій, онъ вступилъ, на другой день, опять подъ паруса, и опять, не пройдя версты, остановился на песчаной отмели. На этотъ разъ Голштинцы снялись скоро, но сильный, противный вѣтръ, обратившійся въ бурю, заставилъ ихъ бросить якорь и простоять на мѣстѣ до утра. Въ слѣдующій день, 1-го Августа, они пытались идти на греблѣ, но не подвинулись на треть версты, какъ ихъ снова снесло на мель. Снявшись безъ большаго труда, корабль простоялъ на якорѣ цѣлыя сутки, въ ожиданіи пока стихнетъ вѣтръ, и пройдя впередъ съ четверть версты, снова попалъ, по неискусству лоцмана, на отмели. Голштинцы теряли терпѣніе. Затрудняемые мелководіемъ Волги, ежеминутно ожидая встрѣчи съ казачьими ватагами, и не разъ застигнутые бурею, они пришли, наконецъ, 15-го Сентября, въ Астрахань, послѣ полутора мѣсячнаго утомительнаго плаванія.

Въ Астрахани, какъ и на всемъ пути отъ Нижняго-Новагорода, корабль Голштинцевъ, былъ предметомъ общаго любопытства. Персидскіе мореходы, прибывшіе на своихъ судахъ въ устья Волги, находили его слишкомъ длиннымъ для безопаснаго плаванія въ Каспійскомъ морѣ, и совѣтовали укоротить мачты, но представленія ихъ не были уважены. Пробывъ въ Астрахани болѣе трехъ недѣль, корабль поставилъ, 10-го Октября, паруса, и послѣ неблагопріятнаго плаванія, 15-го числа вышелъ въ открытое море. Держа курсъ на югъ, онъ пришелъ, черезъ двѣ недѣли, къ принадлежавшему Россіи городу Теркамъ, а оттуда направился къ Дербенту. Въ плаваніи къ этому городу вѣтръ сначала былъ попутный, но вскорѣ перемѣнился, а въ ночи на 12 Ноября, сдѣлался столь крѣпкимъ, что путешественники, не имѣвшіе у себя ни

знающаго лоцмана, ни вѣрной карты, не рѣшаясь нести паруса въ темную ночь въ незнакомомъ морѣ, закрѣпили ихъ, и отдались на произволъ вѣтра. Двѣ русскія лодки, находившіяся при кораблѣ, на бакштовѣ, и служившія: одна для промѣровъ, другая для выгрузокъ, затонули. Такой же участи подверглась и шлюпка. Самый корабль, построенный изъ ели и уже много пострадавшій во время плаванія изъ Нижняго въ Астрахань, по словамъ находившагося на немъ знаменитаго ученаго Олеарія, «изгибался какъ змѣя, подъ страшными волнами разъяреннаго моря». Вскорѣ онъ получилъ сильную течь; безпрестаннымъ волненіемъ сломало рулевыя петли; изъ опасенія чтобы не избило корму, сняли руль; судно, ставъ на якорь, страшно бѣдствовало. Посланники, часть прочихъ пассажировъ, сухопутные офицеры и нѣсколько солдатъ успѣли спастись на прибывшихъ отъ берега лодкахъ. Вмѣстѣ съ ними удалось свезти и почти всѣ наиболѣе дорогіе товары и вещи, но затихшій на короткое время вѣтръ снова усилился, и оставшіеся на кораблѣ люди еще нѣсколько часовъ боролись съ бурею. Въ отчаянномъ своемъ положеніи, они рѣшились на послѣднее, остававшееся имъ средство: обрубили якорный канатъ, и этимъ избавились отъ очевидной гибели. Судно, уже начинавшее разрушаться, будучи плоскодоннымъ и не имѣя киля, сѣло плотно на мель, въ тридцати саженяхъ отъ берега. Одинъ изъ матросовъ, привязавъ къ себѣ веревку, кинулся за бортъ, доплылъ до берега и при помощи сбѣжавшихся жителей, подтянулъ корабль еще ближе. Тогда спаслись всѣ. Крушеніе судна произошло 14-го Ноября, у Низабата, на берегу Дагестана.

Такова была участь перваго военнаго судна, построеннаго въ Русской землѣ, русскими руками, и изъ русскаго лѣса.

Что касается до Голштинскаго посольства, то переговоры его съ Персидскимъ правительствомъ не имѣли успѣха, а въ слѣдствіе этого и строеніе остальныхъ девяти кораблей въ Нижнемъ-Новѣгородѣ не состоялось.

Выраженная Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ воля, чтобы Голштинцы «*отъ Русскихъ плотниковъ корабельнаго мастерства не скрывали*», заставляетъ предполагать, что мысль о заведеніи въ Россіи флота не была чужда ему. Вообще, кажется вѣроятнымъ, что тогдашнее наше правительство не упускало изъ виду осуществленія этой мысли. Между прочимъ въ предисловіи къ воинскому уставу, напечатаному у насъ въ 1647 году, подъ заглавіемъ: «*Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*», обѣщано было изданіе особой книги: «*О корабельной ратной наукѣ*».

Строеніе военныхъ судовъ въ Россіи для Каспійскаго моря, начатое Голштинцами, и ограничившееся однимъ кораблемъ, возобновилось опять, черезъ тридцать лѣтъ, но уже не иностранцами, а по непосредственному распоряженію Русскаго Правительства.

Россія съ давнихъ временъ находилась въ сношеніяхъ съ Персіею, называвшеюся у насъ, по большой части, *Персидою* и *Кизилбашами*. Мы уже упомянали, что нѣкогда Волгою и другими русскими рѣками, восточные товары шли изъ Каспійскаго моря въ Балтійское. Господство Татаръ въ нашемъ отечествѣ заградило этотъ торговый путь. Послѣ этого бѣдственнаго и продолжительнаго періода въ Русской исторіи, Великій Князъ Іоаннъ Васильевичъ III, первый изъ нашихъ государей имѣлъ сношенія съ Персіею, хотя истинная цѣль ихъ и неизвѣстна. Іоаннъ IV сносился съ Шахомъ Тамасомъ, о взаимномъ союзѣ противъ Турокъ и по дѣламъ торговымъ, и былъ въ тѣсной дружбѣ съ его преемникомъ Годабендомъ. Сынъ Іоанновъ, Ѳеодоръ, также заботился о заклю-

ченіи съ Персіею союза, и находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ знаменитому Шаху Аббасу, изъявляя желаніе видѣть въ немъ вѣрнаго себѣ союзника. Дружба съ Персіею продолжалась нѣсколько времени и при Годуновѣ, но потомъ прекратилась, въ слѣдствіе покоренія Персіянами Иверіи или Грузіи, признававшей надъ собою верховную власть нашихъ государей Въ смутное царствованіе Шуйскаго мы опять возобновили съ Персіею прерванныя сношенія, но внутреннія волненія въ государствѣ и послѣдовавшее за ними междоцарствіе, снова ихъ прервало. Они были возстановлены во второй годъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, приглашеніемъ съ нашей стороны Персидскихъ подданныхъ пріѣзжать *по прежнему* для торговли, въ Астрахань. Торговля эта производилась съ тѣхъ поръ постоянно, хотя и не въ большихъ размѣрахъ, чему причиною были разбои казаковъ, какъ въ устьяхъ Волги, такъ и на самомъ Каспійскомъ морѣ. Астрахань служила складочнымъ мѣстомъ для привозныхъ товаровъ, откуда они на судахъ, Волгою и Окою, доставлялись въ Москву. Персіяне привозили къ намъ сафьяны, бархатъ, нанки, платки, кушаки, киндякъ или крашеную бумажную ткань, ковры, безоаръ, бирюзу, индиго, ладонъ, нефть, но всеэто было предметомъ только второстепенной важности въ нашей торговлѣ съ Персіею. Главною статьею былъ шелкъ сырецъ, вымѣнивавшійся нами на золото, собольи мѣха и полотна, и составлявшій у насъ исключительную казенную торговлю. Этотъ товаръ, выходившій почти весь изъ Прикаспійской области Гиляни, еще въ большемъ количествѣ былъ вывозимъ изъ Персіи сухопутно, на верблюдахъ, чрезъ горы, въ Ормусъ, гдѣ былъ покупаемъ Англичанами и Голландскою Остъ-Индскою компаніею. Огромное количество шло караванами, чрезъ Турцію, въ Алепъ, а потомъ въ Смирну, Александрію, Триполи и другія мѣста,

откуда уже продавалось въ Италію и Францію, обогащая такимъ образомъ Турокъ, въ ущербъ Персіянамъ. Такое неудобство сбывать сырецъ сухимъ, дальнимъ путемъ, тогда какъ ближе всего было возить его въ Астрахань, побудило наконецъ Персидское правительство обратить всю эту отрасль торга исключительно въ Россію.

Современникъ Царя Алексія Михаиловича, Шахъ-Аббасъ II усилилъ торговыя, и вмѣстѣ дружественныя, сношенія своего государства съ Россіею, тѣмъ, что открытымъ повелѣніемъ во всѣ подвластныя ему страны, даровалъ, въ 1664 году, русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Персію, разныя льготы, между прочимъ освобожденіе отъ всякихъ пошлинъ. «А Великаго Государя Россійскаго», сказано въ переводѣ повелѣнія, «изъ Его государства купчины, и цѣловальники, и торговые люди съ товары, въ кое время будутъ въ наше государство, или куда пойдутъ нашею государскою землею; и на нихъ бы вамъ за подводы провозу, и найму, и пошлинныхъ денегъ, и гостинныхъ дворовъ постоялаго и полавочнаго, и наемныхъ денегъ, и рахтанъ, и никакихъ взятковъ не имать; а что имъ понадобится и вамъ бы имъ давать сполна, и честь имъ воздавать и учинить, какъ имъ годно». По прошествіи трехъ лѣтъ, тотъ же самый Шахъ обратился къ Царю Алексію Михаиловичу съ просьбою о дозволеніи особой Армянской компаніи, составившейся изъ Персидскихъ подданныхъ, производить чрезъ Россію торгъ шелкомъ сырцомъ и иными товарами. Въ Царской жалованной грамотѣ, послѣдовавшей по этому случаю, между прочимъ, говорится: «а что до сего времени изъ Персидскія земли дальними, убыточными проѣздами, тотъ шолкъ воженъ былъ продавать къ пріиму морскаго пути въ разныя государства, и для такихъ дальнихъ пріѣздовъ и великихъ убытковъ нынѣ тѣ всѣ пути оставлены, и впредь у нихъ прежнимъ торговлямъ и подрядамъ ни съ кѣмъ

съ иными государствы съ торговыми людьми не быть, а привозить того сырцу шелку все полное число, сколько пудовъ на всякой годъ въ Персидской землѣ и всѣхъ промышленныхъ людей сдѣлано будетъ, по вся годы въ привозѣ ставить Великія Россіи въ порубежный городъ, или сухимъ путемъ мимо Терскъ, въ Астрахань, а водянымъ путемъ въ тотъ же городъ». Компанія обязывалась платить въ Царскую казну: за товары привезенные въ Астрахань по 5, за провозимые въ Москву по 5 же, а за слѣдовавшіе оттуда далѣе, въ порубежные города: Новгородъ, Смоленскъ и Архангельскъ — по 30 копѣекъ съ каждаго, продажею или мѣною вырученнаго рубля. Особая пошлина была установлена на случай отвоза товаровъ за границу, и на случай обратнаго привоза въ Россію тѣхъ изъ нихъ, которые не будутъ проданы въ чужихъ краяхъ. Русское правительство, съ своей стороны, принимало на свой счетъ и страхъ доставку товаровъ отъ Астрахани во всѣ поименованные здѣсь города, и обратно, получая за это по рублю съ пуда. Англичанинъ Брейнъ, «честный и повѣренный въ правдѣ, изъ давнихъ лѣтъ Московскій житель», былъ избранъ въ агенты компаніи, для всей Россіи.

Принимая на себя провозъ Персидскихъ товаровъ отъ Астрахани, съ ручательствомъ и отвѣтственностью за ихъ цѣлость, Царь Алексій Михаиловичь былъ поставленъ въ необходимость, принять и всѣ возможныя мѣры къ обезпеченію этого провоза. Наибольшая опасность предстояла отъ разбоевъ, постоянно происходившихъ на Каспійскомъ морѣ и на Волгѣ, и потому первою, главною мѣрою было заведеніе воруженныхъ, военныхъ судовъ, которыя могли бы защищать торговлю, обѣщавшую Царской казнѣ большія выгоды. Эти же суда долженствовали служить для возки товаровъ изъ Россіи въ Персидскія владѣнія.

По утвержденіи въ Россіи единодержавія, Англичане были первые изъ Европейцевъ, водворившіеся у насъ по видамъ торговымъ. Іоаннъ Грозный покровительствовалъ имъ во все свое царствованіе; Ѳеодоръ Іоанновичъ и Годуновъ поддерживали съ ними прежнія сношенія, но отстраняли тѣ ихъ домогательства, которыя находили несообразными съ выгодами своихъ подданныхъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ русское купечество уже начало приносить правительству частыя жалобы на притѣсненія и подлоги иностранныхъ торговыхъ людей, особенно англійскихъ. Наконецъ, въ 1640 году, Царь Алексій Михаиловичъ, разгнѣванный на Британцевъ за злоупотребленія по торговлѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за осужденіе на смертную казнь Короля Карла I, выслалъ ихъ изъ Россіи, дозволивъ имъ только пріѣзжать съ товарами къ Архангельску, но ни подъ какимъ видомъ не оставаться тамъ для жительства. Такъ, по прошествіи восьмидесяти четырехъ лѣтъ, рушилось зданіе, основанное Ченслеромъ, и принесшее его единоземцамъ огромныя прибыли.

По изгнаніи Англичанъ, первое мѣсто между иностраннымъ купечествомъ заняли у насъ Голландцы, съумѣвшіе снискать и поддерживать уваженіе и довѣріе, сколько въ народѣ, столько и у правительства Россіи. Ведя обширную торговлю во всѣхъ частяхъ свѣта, они слыли и за отличныхъ мореходовъ и за опытныхъ судостроителей. Военные флоты ихъ также стояли высоко въ мнѣніи всей Европы. Это объясняетъ, почему, какъ ниже увидимъ, и Царь Алексій Михаиловичъ и Петръ Великій, приступая у себя къ строенію военыхъ судовъ, обращались къ содѣйствію и руководству Голландцевъ.

Грамота Армянской компаніи была пожалована 31 Мая 1667 года. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 19-го Іюня, въ Приказѣ Новгородской Чети или четверти, имѣвшемъ въ своемъ вѣдѣніи: Великій Новгородъ, Псковъ,

Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Вологду и другіе города, какъ прилегающіе къ Бѣлому и Ледовитому морямъ, такъ и смѣжные съ Шведскою границею, была записана слѣдующая статья: «Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское море дѣлать корабли въ Коломенскомъ уѣздѣ въ селѣ Дѣдиновѣ, и то корабельное дѣло вѣдать въ Приказѣ Новгородцкіе Чети, боярину Ѳеонасью Лаврентьевичю Ордину-Нащокину, да думнымъ діякомъ Герасиму Дохтурову, да Лукьяну Голосову, да дьяку Ефиму Юрьеву».

Поименовавъ города, которыми завѣдывалъ Приказъ Новогородской четверти, видимъ, что въ число ихъ не входилъ Коломенскій уѣздъ (нынѣшней Московской губерніи), гдѣ предназначалось строить суда для Каспійскаго моря, и это самое обстоятельство показываетъ, что Царь имѣлъ особенныя причины подчинить этому Приказу *«корабельное дѣло»*. Причины заключаются въ томъ, что имъ управлялъ тогда Ординъ-Нащокинъ, бояринъ высокихъ достоинствъ, неутомимый исполнитель царской воли во всемъ, что касалось пользы отечественной, и по уму и по благонамѣренности едва ли не первый между сановниками государствованія Алексія Михайловича. Долгое время ближайшій совѣтникъ сего государя, онъ былъ самымъ главнымъ, самымъ дѣятельнымъ лицемъ въ заключеніи торговаго договора съ Персіею, слѣдовательно никому иному не могъ Царь поручить главнаго завѣдыванія надъ Дѣдиновскимъ судостроеніемъ. Нащокинъ, этотъ великій человѣкъ своего времени, помышлявшій о возвращеніи Россіи Ингріи и Карелiи и о присоединеніи къ ней Эстляндіи и Лифляндіи, сильно заботился объ упроченіи за нею обладанія Амуромъ, и имѣя въ виду заведеніе торговли съ Индіею, уже снарядилъ туда посольство;

когда людская зависть принудила его удалиться отъ мірскихъ дѣлъ и постричься въ иноки.

Дѣдиново или *Дѣдилово*, называемое также *Дѣдовымъ*, и пріобрѣтшее съ 1667 года знаменитость въ Русской исторіи, принадлежало въ то время къ числу дворцовыхъ селъ. Оно находится въ двадцати пяти верстахъ отъ города Коломны, на лѣвомъ берегу Оки, близъ впаденія въ нее рѣки Москвы, и по всей вѣроятности было избрано для постройки судовъ, сколько по положенію своему, столько и по близости къ столицѣ.

Еще до указа о заведеніи въ Дѣдиновѣ «корабельнаго дѣла», издавна проживавшій въ Москвѣ Голландскій гость фанъ Сведенъ (van Sweeden), учредитель первыхъ почтъ въ Россіи, ѣздилъ, по порученію нашего Правительства въ Голландію, для найма въ Русскую службу «корабельщиковъ». Приговоривъ тамъ пятерыхъ изъ своихъ единоземцевъ, онъ возвратился въ Москву, съ четырьмя нанятыми имъ мореходами и съ запасомъ инструментовъ и машинъ для кораблестроенія. Пятый, именемъ Бутлеръ (Butler), племянникъ Сведена, оставленъ былъ въ Амстердамѣ, для найма въ Царскую службу остальнаго экипажа и для отысканія тѣхъ изъ нанявшихся людей, которые, взявъ впередъ условленные задатки, скрылись съ ними.

Прибывшія съ Сведеномъ въ Москву четыре лица, были: «корабельщикъ Гельтъ (Helt), кормщикъ и плотникъ Виллимъ фанъ-ден-Стрекъ (van den Sreek), кормщикъ Тимофей фанъ-ден-Стрекъ и работный корабелной человѣкъ Минстеръ». Всѣ они, равно какъ и Бутлеръ, имѣли за себя поручителей и были приговорены на четыре года, съ жалованьемъ: Бутлеръ — по 100, Гельтъ — по 80, Вилимъ фанъ-ден-Стрекъ—по 65, Тимофей фанъ-ден-Стрекъ — по 36, а Минстеръ — по 30 голландскихъ гульденовъ, или русскихъ рублей, въ мѣсяцъ.

По количеству платы видно, что Бутлеръ занималъ предъ прочими первое мѣсто, и дѣйствительно онъ былъ опредѣленъ съ званіемъ «*капитана* и *кормщика-генерала*», какъ человѣкъ, бывавшій «во многихъ краѣхъ свита и умѣющій говорить различными языки». По свидѣтельству Фанъ-Сведена, онъ бывалъ «первой каргой (premiére charge) въ Индѣи, и разумѣлъ многія Индѣйскія языки, и торги и извычаи Индѣйскія, и небѣсное теченіе, и какъ моремъ волитца кораблямъ ходить». Въ договорѣ своемъ съ Фанъ-Сведеномъ, Бутлеръ обязывался: «въ чину своемъ царскому величеству служить вѣрно, и стояти ему противъ всякихъ его царскаго величества непріятелей, какъ водянымъ, такъ и сухимъ путемъ».

Для завѣдыванія кораблестроеніемъ въ Дѣдиновѣ, Фанъ-Сведенъ предложилъ находившагося тогда въ Москвѣ Полковника Фанъ-Буковена (Boukhoven), какъ человѣка, который «на морѣ многія пути хаживалъ на корабли, и морской корабелной бой ему въ обычай, и корабелное дѣло и Русской извычай знаетъ». Буковенъ былъ родомъ также изъ Голландіи, откуда пріѣхалъ въ Россію еще въ капитанскомъ чинѣ, въ 1647 году, съ бояриномъ Милославскимъ.

Вмѣстѣ съ отзывами о Бутлерѣ и Буковенѣ, Фанъ Сведенъ подалъ въ Приказъ Новгородской Четверти роспись, которою требовалъ въ Дѣдиново, для корабельнаго строенія: 30 плотниковъ, «которые на передъ сего бусы и струги дѣлывали,» 4 кузнецовъ для кованія якорей и другихъ принадлежностей къ судамъ, 4-хъ пушкарей, необходимое количество канатовъ, веревокъ, смолы, дегтя, 30 аршинъ киндяка «на знамя на *переднее* лежачее дерево, что на носу,» 42 аршина киндяка «на долгое узкое знамя,» 155 аршинъ тафтъ «на знаменажъ для украшенія корабля,» 8 шестифунтовыхъ пушекъ, 4 четырехфунтовыя пушки, 40 мушкетовъ, 40 паръ пистолетовъ,

40 бердышей, 14 мѣшковъ для носки пороха и пуль, 16 деревянныхъ или жестяныхъ ящиковъ, для носки пушечныхъ зарядовъ, 4 стопы толстой бумаги на пушечные заряды, пороху, свинцу, фитиля и ядеръ, въ томъ количествѣ какъ понадобится, — желѣза, угля и пр. «А корабль бываетъ,» присовокупилъ Сведенъ, въ своей росписи, «длиною одиннадать сажень съ полусаженью, а поперегъ три сажени Государевыхъ печатныхъ.» Разумѣя подъ знаменами изъ киндяка *флагъ* и *вымпелъ*, онъ писалъ: «цвѣтами тѣ всѣ киндяки какъ великій государь укажетъ: только на корабляхъ бываетъ котораго государства корабль, того государства бываетъ и знамя.» Въ статьѣ о тафтяныхъ знаменахъ, для украшенія корабля, въ росписи сказано: «подъ которое государство бываетъ кораблю пристань, въ то время тѣ знамены роспускаютъ; а на тѣхъ знаменахъ писать, что великій государь укажетъ».

Царь Алексій Михайловичъ входилъ самъ во всѣ распоряженія по постройкѣ судовъ. Утвердивъ выборъ Буковена, онъ велѣлъ ему, вмѣстѣ съ Гельтомъ, обоими братьями Фанъ-ден-Стрекъ и Минстеромъ, въ сопровожденіи Подьячаго Новгородской Четверти, Яковлева, ѣхать изъ Москвы, въ Вяземскій уѣздъ, на рѣку Угру, а оттуда въ уѣздъ Коломенскій, до села Дѣдинова, *«въ лѣсные мѣста,»* для осмотра и пріисканія лѣса. «И гдѣ иноземцы на судовое дѣло лѣса обыщутъ,» сказано въ наказной памяти Яковлеву, «ему тѣ лѣса переписать и тутошнихъ волостныхъ жителей распросить: въ государевыхъ дворцовыхъ, или во властелинскихъ патріаршихъ или митрополичьихъ, или въ монастырскихъ, или въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, и въ чьихъ имянемъ, тѣ лѣса стоятъ? и въ какихъ угодьяхъ и въ сколькихъ верстахъ въ которомъ мѣстѣ тотъ лѣсъ отъ Угры и отъ Оки рѣки? и сколко верстъ будетъ Угрою и Окою рѣка-

ми до Волги рѣки? и въ стругахъ ли, или плотами гнать, и не будетъ ли гдѣ тому лѣсу водою на мелях до Волги какого задержанья и государеву судовому дѣлу мотчанья (замедленія)?» По исполненіи этого, Буковену и его спутникамъ предписывалось возвратиться въ Москву и обо всемъ найденномъ донести Ордину-Нащокину. Вслѣдъ за этими распоряженіями, въ помощь Буковену, при осмотрѣ лѣсовъ и при самомъ судостроеніи, былъ назначенъ иноземецъ Полуполковникъ Старкъ (Stark).

По осмотрѣ назначенныхъ мѣстъ, оказались годными для корабельнаго строенія: Вяземскаго уѣзда, въ Кикинской волости помѣщика Воейкова — 600 трехсаженныхъ тѣсницъ; того же уѣзда въ Дмитровской дворцовой волости — 10 дубовыхъ трехсаженныхъ досокъ; въ Калугѣ, у посадскихъ людей — 120 девяти и десяти-саженныхъ сосновыхъ брусьевъ, и въ Коломнѣ, также у посадскихъ людей—25 семисаженныхъ бревенъ, 20 трехсаженныхъ, 2 двѣнадцатисаженныя и 152 восьми и девяти-саженныя, сосновыя доски. Часть этого количества, именно пріисканную въ Калугѣ, хозяева брались доставить до мѣста сами; требовалось только разрѣшенія: кѣмъ везти до Коломны лѣсъ найденный въ Кикинской волости? Вмѣстѣ съ этимъ Буковенъ, представивъ вѣдомость о необходимомъ количествѣ пеньки (для дѣланія канатовъ и веревокъ), смолы, дегтя, сѣры, котловъ и пр., испрашивалъ разрѣшенія брать Свицкое, или Шведское, т. е. лучшее, желѣзо съ заводовъ Марселиса, а уголь въ Дѣдиновѣ, гдѣ предполагалъ также нанять кузнецовъ и плотниковъ.

Упомянувъ здѣсь въ первый разъ о Марселисѣ, какъ о лицѣ избранномъ для поставки желѣза на Дѣдиновскія постройки, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о его заводахъ.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія все требовавшееся для Россіи количество Свицкаго желѣза, ру-

жейные стволы, чугунныя пушки, ядра и прочіе артилерійскіе припасы, привозились почти исключительно изъ за-границы Голландцами, и чрезъ Архангельскъ доставлялись въ Москву. Высокія цѣны на эти предметы, неизбѣжныя при дальнемъ провозѣ, побудили Голландскаго купца Виніуса, съ товарищами, просить дозволенія на постройку близъ Тулы вододѣйствующаго завода, для отливанія разныхъ чугунныхъ вещей и для дѣланія изъ чугуна, по иностранному способу, желѣза. Дозволеніе было дано въ 1632 году. Виніусу и компаніи разрѣшено было, между Серпуховымъ и Тулою, на рѣчкахъ Воронѣ, Вашанѣ и Скнигѣ, гдѣ признаютъ удобнымъ, построить «мельничные заводы,» для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для литья изъ перваго пушекъ, ядеръ и котловъ, и для ковки изъ послѣдняго разныхъ досокъ и прутьевъ, «дабы впредь то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно, а людей государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научать и *никакого ремесла отъ нихъ не скрывать.*» Эти послѣднія слова напоминаютъ подобное же условіе, требованное нашимъ Правительствомъ отъ Голштинцевъ, когда они просили дозволенія строить корабли въ Нижнемъ-Новѣгородѣ. Даруя Виніусу привиллегію на десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ никто въ Россіи не могъ строить подобныхъ заводовъ, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ отпускать ему изъ казны, ежегодно, денежную сумму, которую заводчикъ обязывался возвращать чугунными и желѣзными издѣліями. Такъ положено было первое основаніе нашимъ Тульскимъ оружейнымъ заводамъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ грамоты Виніусу, Комисаръ Датскаго Короля, Гамбургскій уроженецъ Петръ Марселисъ (Marselis) и Голландскій гость Акема (Akema) испросили себѣ дозволеніе, съ двадцатилѣтнею привиллегіею, построить новые желѣзные заводы, въ отда-

леніи отъ Тулы, какъ то: на рѣкахъ Вагѣ, Костромѣ, Шекснѣ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ. Это повело къ большимъ несогласіямъ между Виніусомъ, съ одной, и Марселисомъ и Акемою съ другой стороны. Возникшіе споры и жалобы кончились тѣмъ, что у всѣхъ троихъ заводы были отняты и взяты въ казенное управленіе. Въ замѣнъ этого они построили, всѣ трое вмѣстѣ, новый заводъ, собственно для отливанія чугунныхъ ядеръ, на Вагѣ, въ нынѣшней Вологодской губерніи, но въ 1648 году, Марселисъ и Акема получили свои заводы обратно, въ двадцатилѣтнее, безоброчное и безпошлинное владѣніе. Ободренные этимъ и сдѣланными имъ другими льготами, они учредили, въ 1652 году, еще новые заводы на рѣкѣ Скнигѣ, въ тогдашнемъ Каширскомъ, а нынѣ Алексинскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Наконецъ, въ 1656 году, ими были выстроены еще два завода, въ Малоярославецкомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Протвѣ и на впадающей въ нее рѣчкѣ Угодкѣ. Въ 1662 году, одна половина всѣхъ заводовъ принадлежавшихъ Марселису и Акемѣ была отписана на Государя; въ 1664 заводы на Протвѣ и Угодкѣ отданы Акемѣ, а находившіеся въ Тульскомъ (бывшіе Виніусовы) и Каширскомъ уѣздахъ взяты совсѣмъ въ казну, но въ 1667 пожалованы Марселису «за многія его службы», именно за дѣятельное участіе въ заключеніи мира съ Польшею. При этомъ случаѣ они поступили въ вѣдѣніе Пушкарскаго Приказа. Въ послѣдствіи времени они переходили, какъ наслѣдственное достояніе, къ сыну и внуку Марселиса, а потомъ, какъ выморочное имѣніе, были подарены Петромъ Великимъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе, Его дядѣ, Боярину Льву Кириловичу Нарышкину.

Обратимся опять къ работамъ, предпринимавшимся въ Дѣлиновѣ.

Получивъ донесеніе Буковена и Яковлева, Царь Алексій Михайловичь велѣлъ Коломенскому воеводѣ Кутузову отпустить на покупку лѣса и на другіе, первоначальные расходы, изъ Коломенскихъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ, тысячу рублей, а чтобы облегчить Буковена въ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами, опредѣлилъ «къ корабельному строенію» Дворянина Полуехтова и Мытной избы Подъячаго Петрова.

Двухъ-вѣковое татарское владычество, вытѣснивъ своимъ вліяніемъ многія наслѣдственныя славянскія добродѣтели Русскаго народа, породило взамѣнъ ихъ нѣкоторые вредные пороки, особенно страсть къ корыстолюбію и взяточничеству, наиболѣе вкравшимся въ приказное сословіе. Это страшное зло безпощадно разоряло казну и подрывало, даже вовсе уничтожало, самыя благія намѣренія Правительства. Оно, конечно, было причиною, что Царь Алексій Михайловичъ, назначая въ Дѣдиново Полуехтова и Петрова, включилъ въ указъ свой о томъ слѣдующія слова: «И будучи ему Якову (Полуехтову) и подъячему у того дѣла быть безъотступно, и великаго Государя дѣломъ радѣть неоплошно, и посуловъ и поминковъ ни у кого ничего не имати: а будетъ они Яковъ и подъячій Степанъ (Петровъ) радѣть не учнутъ, а учнутъ отъ того дѣла корыстоватца, а послѣ про то сыщетца, и имъ отъ Великаго Государя быти въ опалѣ»

Отправляя, 9-го Сентября, изъ Москвы въ Дѣдиновъ, Полуехтова, Петрова, Буковена, Старка, Гельта, трехъ его товарищей, вмѣстѣ съ нимъ прибывшихъ изъ Амстердама, и еще вновь нанятыхъ въ Москвѣ: Капитана Фанъ-Гелмата, лекаря и Поручика Шака, корабельнаго дозорщика и Поручика Вемина и толмачей или переводчиковъ Шкрама и Каспера, Государь велѣлъ изготовить для нихъ подводы и судно съ гребцами. Въ этотъ же са-

мый день состоялись Царскіе указы: *Марселису*—о присылкѣ въ Дѣдиново мѣдныхъ векшъ (сложныхъ блоковъ), съ канатами, желѣзныхъ подъемныхъ машинъ, «самаго добраго желѣза» на разныя потребности, и котловъ и горшковъ для варки смолы; *Ордину-Нащокину* — о пріисканіи необходимаго числа плотниковъ и кузнецовъ между Дѣдиновскими «рыбными ловцами» и объ отводѣ въ Дединовѣ дворовъ подъ постой лицамъ, назначеннымъ къ корабельному дѣлу. «Буде кто охотниковъ въ плотники и въ кузнецы и лѣсу готовить будутъ», писано было Нащокину, «и имъ не запрещать, а въ невóлю никого не нудить, для того, что по Великаго Государя указу, села Дединова и иныхъ ловецкихъ селъ рыбнымъ ловцомъ велѣно сдѣлать по дворцовому наряду, преже памяти, что прислано изъ Посольскаго Приказу, шестьдесятъ *паузковъ* (*) и чтобъ нынѣшнимъ указомъ того дѣла не остановлять».

По пріѣздѣ въ Дѣдиново, Буковенъ встрѣтилъ необходимость, независимо отъ прежде пріисканнаго лѣса, еще въ 120 сосновыхъ сухихъ брусахъ или бревнахъ, длиною въ 9 и 10 саженъ, а толщиною въ 9 и 10 вершковъ. Посыланные за этимъ люди, ѣздили въ Коломенскій и Рязанскій уѣзды, вверхъ по рѣкѣ Цнѣ, до Мещеры, внизъ по Окѣ до Солочи, а также въ другія лѣсистыя мѣста, но нигдѣ не нашли лѣса указаннаго качества и мѣры. По донесеніи объ этомъ правительству и по полученіи свѣдѣнія, что желаемый лѣсъ ростетъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Рязанскаго и Муромскаго Архіепископа Илларіона, послана была къ нему Царская грамота о безостановочномъ отпускѣ потребнаго количества лѣса.

Казалось бы, что послѣ всѣхъ этихъ распоряженій,

(*) Паузки — небольшія рѣчныя суда.

освященныхъ непосредственною волею и личнымъ участіемъ Царя, нельзя было бы ожидать задтрудненій; но онѣ встрѣтились при первомъ шагѣ къ исполненію. Коломенскій Кабацкій Голова Щуровъ, долженствовавшій внести изъ завѣдываемыхъ имъ сборовъ, пятьсотъ рублей, въ число тысячи, опредѣленныхъ на первоначальные расходы, объявилъ, что у него «денегъ нѣтъ и къ карабельному дѣлу дать нечего». По отзыву Марселиса, что у него ни векшъ, ни подъемовъ, ни другихъ требуемыхъ вещей, ни мастеровъ для дѣланія ихъ, нѣтъ, обратились въ Пушкарскій Приказъ, но и тотъ отозвался неимѣніемъ ничего въ готовности: «которые канаты и векши есть, и тѣ надобны къ подъему новаго большаго Успѣнскаго колокола; а подъемовъ нѣтъ, и послать къ корабельному дѣлу нечего». По всей этой статьѣ одинъ Марселисъ прислалъ желѣза, да и то только 30 пудовъ. Старосты Дѣдинова и другихъ, сосѣднихъ дворцовыхъ ловецкихъ селъ объявили «по Христовѣ евангельской заповѣди, еже ей ей, въ правду, что къ государеву карабельному дѣлу охочихъ плотниковъ нѣтъ». Наконецъ, въ вотчинѣ Архіепископа Илларіона было сдѣлано затрудненіе въ отпускѣ лѣса. Вскорѣ за этимъ, 27-го Октября, пришло новое донесеніе Полуехтова, что плотники охотою не нанимаются, подрядчиковъ нѣтъ, и корабельное дѣло остановилось. Въ добавокъ къ этому онъ извѣщалъ, что приданный ему, для письменныхъ дѣлъ, подъячій Петровъ «старъ, и мало видитъ, и писать не можетъ».

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ отписокъ и жалобъ, состоялись новыя повелѣнія: неимѣвшіеся въ Коломенскихъ Кабацкихъ сборахъ 500 рублей отпустить изъ тамошнихъ же таможенныхъ доходовъ, безъостановочно; векши, подъемы и прочія вещи, не оказавшіяся ни у Марселиса, ни въ Пушкарскомъ Приказѣ, изготовить Марселису; плотниковъ, числомъ тридцать, съ платою каж-

дому по четыре алтына въ день, нарядить Дѣдиновскому Приказному человѣку Головкову; не отпускаемый въ Архіерейской вотчинѣ лѣсъ рубить и вывозить безъ задержанія; подъячаго Петрова отправить въ Москву.

Извѣщая Государя, что 14-го Ноября *заложенъ корабль*, Полуехтовъ доносилъ, что онъ продолжаетъ давать плотникамъ и кузнецамъ, поденнаго жалованья, по четыре алтына, а между тѣмъ и «дни настали малые и холодные, и корабельное дѣло не споро», платы же безъ Царскаго указа уменьшить онъ не смѣетъ, — разрѣшено было давать по два алтына, но смотрѣть, чтобы рабочіе не гуляли. Еще встрѣтилась остановка отъ неимѣнія въ Московской таможнѣ лучшей Дорогобужской и Смоленской пеньки, которой требовалъ Буковенъ: положено было замѣнить ее высшей доброты пенькою Трубчевскою.

Одни затрудненія были отстранены, немедленно явились другія.

Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія въ Дѣдиновѣ и почти трехмѣсячнаго производства работъ, 17-го Февраля 1668 года, Полуехтовъ доносилъ Царю: «мнѣ холопу твоему велѣно, государь, корабли дѣлать на спѣхъ, чтобъ къ веснѣ были готовы. И у меня холопа твоего *карабль и яхту* дѣлаютъ, а у корабля, государь, дно и стороны основаны, и кривые деревья всѣ прибиты, и на верхъ на карабль брусья ростираютъ; а лѣсу у меня, холопа твоего, куплено и что отписано на тебя великаго государя, съ карабль и съ яхту будетъ, и смолы и дегтю и конопати, и сала у меня, холопа твоего, купленожъ. Только, государь, полковникъ Карніюсъ Фанъ-Буковинъ мнѣ холопу твоему сказалъ, что для поспѣшенія корабленаго дѣла надобно въ прибавку къ тридцатма человѣкомъ плотниковъ еще двадцать человѣкъ плотниковъ; и я, холопъ

твой, села Дѣдинова къ приказному человѣку къ Григорью Головкову посылалъ, чтобъ онъ къ корабельному дѣлу далъ въ прибавку двадцать человѣкъ плотниковъ; и онъ Григорій Головковъ мнѣ, холопу твоему, въ тѣхъ плотникахъ въ двадцати человѣкахъ отказалъ. Да у меня жъ, холопа твоего, лѣсъ и тесъ и байдачные доски отписаны на тебя великаго государя верстахъ въ пяти и въ десяти и болши, а возить мнѣ, холопу твоему, того лѣсу къ корабленому дѣлу въ село Дѣдиново не на чѣмъ: приказной человѣкъ села Дѣдинова Григорій Головковъ въ подводахъ мнѣ, холопу твоему, отказалъ; а у корабля, государь, и у яхты конаты и желѣзные снасти день и ночь безъ отъему, а стеречь у меня, холопа твоего, у того карабленаго дѣла нѣкому».

Непосредственно за этими жалобами слѣдовали другія. Полуехтовъ доносилъ: «конатныхъ и бичевныхъ мастеровъ Коломенскаго епископа села Городища крестьянъ безъ указу великаго государя взять не смѣютъ, а изъ воли тѣ мастеры не подряжаютца, и опричь тѣхъ мастеровъ на Коломнѣ нѣтъ; паруснаго мастера нѣтъ; надобно на кораблѣ вырѣзать каруна (корону), и что де на той карунѣ вырѣзать и кому рѣзать? а Нѣмцы которые корабль дѣлаютъ, рѣзать той каруны не умѣютъ; да надобно на корабль и на яхту съ семьсотъ векшей деревянныхъ, а мастеръ де тѣхъ векшей живетъ на Протвѣ; Марселисъ прислалъ желѣза только тридцать девять пудъ, а подъ то желѣзо подводъ не далъ, а въ котлахъ, и въ горшкахъ, и въ векшахъ, и въ подъемахъ, и въ якоряхъ отказалъ, посылать подъ то желѣзо не на чѣмъ и якорей ковать (въ Дѣдиновѣ) негдѣ: кузницы и горны малые; подъемы надобно скоро, а купить негдѣ; села Дѣдинова староста, со многими людми приходя, полковника и полуполковника со двора ссылали, а велятъ стоять на дворахъ по очередно, а дворы отводятъ отъ карабленаго

дѣла далеко». Къ довершенію всего и Трубчевской пеньки, долженствовавшей замѣнить Дорогобужскую и Смоленскую, въ Москвѣ не оказалось.

По мѣрѣ полученія отъ Полуехтова отписокъ, изъ Приказа Новгородской Четверти немедленно были отправляемы памяти и грамоты: въ Приказъ Большаго Дворца о присылкѣ къ Буковену недостававшихъ двадцати плотниковъ, о назначеніи къ корабельному дѣлу сторожей изъ Дѣдиновскихъ крестьянъ и о запрещеніи тамошнему старостѣ отводить подъ постой дома, удаленные отъ мѣста судостроенія; къ Каширскому воеводѣ и въ Ямской Приказъ—о безотлагательномъ даваніи Полуехтову подводъ; къ Коломенскому Епископу — объ отпускѣ требуемаго числа канатныхъ и бичевныхъ мастеровъ; къ Коломенскому воеводѣ — о безостановочномъ содѣйствіи судостроенію присылкою кузнецовъ, якорныхъ мастеровъ, парусныхъ швецовъ, и вообще всего, въ чемъ впредь можетъ встрѣтиться надобность; къ Переяславль-Рязанскому воеводѣ и въ Пушкарской Приказъ—о доставкѣ кузнецовъ; въ Оружейную Палату — о присылкѣ рѣзнаго мастера, живописца и токаря; къ заводчику Акемѣ—о присылкѣ векошнаго мастера; къ Марселису—о незадерживаніи желѣзомъ; въ Москву, къ иноземцамъ Бахру и Быхлину—о ссудѣ Полуехтова имѣвшимися у нихъ подъемами; въ Большой Приходъ — о покупкѣ въ Москвѣ, и отсылкѣ въ Дѣдиново, тысячи пудовъ отборной пеньки. Чтобы ни сколько не задержать работъ, находившимся при нихъ плотникамъ велѣно было производить и въ зимніе дни, вмѣсто двухъ, по четыре алтына.

Не смотря на всѣ требованія и подтвержденія и на непремѣнную волю Государя, «чтобы корабельное дѣло не стояло», остановкамъ не было конца. Между прочимъ, Приказъ Большаго Дворца донесъ о невозможности дать плотниковъ, и предполагалъ нанять «изъ охочихъ людей»;

Пушкарскій Приказъ писалъ, что единственный, имѣющійся у него, кузнецъ на пушечномъ дворѣ дѣлаетъ къ большому Успѣнскому колоколу языкъ «а опричь его языка дѣлать нѣкому». Оружейная Палата отказала и въ рѣзцѣ и въ живописцѣ и въ токарѣ. Коломенской Епископъ изъ находившихся у него 32 мастеровъ канатнаго и бичевнаго дѣла, удѣлилъ только 8, но вскорѣ за тѣмъ жаловался, что Полуехтовъ «тѣхъ мастеровъ бьетъ и мучитъ и въ подклѣть сажаетъ и пеньки и кормовыхъ денегъ противъ указу имъ не даетъ и моритъ ихъ голодною смертью».

Борясь съ безпрерывными затрудненіями, и долгое время даже не имѣя при себѣ никого для письменныхъ дѣлъ, Полуехтовъ донесъ, 26-го Мая, что *«карабль спущенъ и додѣлывается на водѣ, а яхта и шлюпка поспѣютъ въ скоромъ времени»*. Черезъ мѣсяцъ получено новое донесеніе: «карабли въ отдѣлкѣ, а живописца и рѣзца нѣтъ, стѣнъ разцвѣтить и коруны вырѣзать нѣкому, а щеглы (мачты) не поставлены потому, что поднять не чѣмъ». Только въ исходѣ Іюля прибыли рѣзецъ, иконописецъ и токарь. Имъ велѣно было вырѣзать и вызолотить украшенія на кормѣ, а на носу, вмѣсто предполагавшихся орла и короны, сдѣлать изображеніе льва. Въ концѣ Августа Полуехтовъ писалъ: «карабль къ отпуску готовъ и щеглы всѣ поставлены, а къ окнамъ и къ дверемъ пробоины куютъ на спѣхъ; а на яхтѣ щеглы не поставлены, канатовъ нѣтъ, поставить нечѣмъ; да два шлюпа и ботъ сдѣланы жъ; а караблю и яхтѣ зимовать въ селѣ Дѣдиновѣ не мочно никоторыми дѣлы: гдѣ стоять такихъ мѣстъ нѣтъ и стеречь нѣкому». Получивъ донесеніе, Царь Алексій Михайловичъ приказывалъ торопиться окончательною отдѣлкою, оставивъ при судахъ только пятерыхъ «знающихъ людей», изъ иноземцевъ, а остальнымъ, въ томъ числѣ Буковену

и Старку, ѣхать въ Москву. «А что какихъ всякихъ припасовъ отъ корабельнаго дѣла останется, переписать и положить въ амбаръ и запечатать, и обо всемъ великому государю отписать и прислать роспись». Во второй половинѣ Сентября получена новая отписка отъ Полуехтова: «корабль, и яхта, да два шлюпа и ботъ сдѣланы совсѣмъ наготово, и щеглы на кораблѣ и на яхтѣ канатами и векшами укрѣплены; а большихъ канатовъ, на чемъ кораблю и яхтѣ стоять, не сдѣланы; карабельныхъ мастеровъ только восемъ человѣкъ, а въ прибавку канатныхъ мастеровъ Коломенскій епископъ не присылывалъ; да сдѣлано большихъ и малыхъ одиннадцать якорей». Въ отвѣтъ на это Полуехтову велѣно отпустить корабли изъ Дѣдинова въ Октябрѣ мѣсяцѣ, съ Буковеномъ и съ корабельщиками, взявъ изъ Коломны и изъ Коломенскаго яма потребное число кормщиковъ и гребцовъ, которые бы знали водяной ходъ на рѣкѣ Окѣ. Буковену, получившему десять Московскихъ стрѣльцовъ «для береженья караблей», приказано было, не теряя времени, вести всѣ суда въ Нижній Новгородъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ нужды, уже тамъ додѣлать ихъ окончательно, а въ Нижній посланъ указъ: принять суда и «поставить для осенняго и вешняго льду въ заводяхъ, гдѣ пригоже, и беречь на крѣпко».

Затрудненія и ослушанія продолжались. Полуехтовъ, поссорясь съ Буковеномъ, сказался больнымъ и объявилъ, что изъ Дѣдинова ѣхать не можетъ; Коломенскій воевода прислалъ только 15 работниковъ, и то «худыхъ людей»; кормщиковъ же не прислалъ вовсе, а Коломенскіе ямщики отказались дать и кормщиковъ и гребцовъ. Пока посланы были по обѣимъ этимъ статьямъ подтвержденія, Полуехтовъ увѣдомилъ, 15 Октября, что корабль и яхта не могутъ идти Окою, по причинѣ мелководія, Буковенъ же и прибывшій изъ Нижняго Новагорода подъячій Киш-

мутинъ доносили: «въ Окѣ рѣкѣ воды прибыло мѣрою на поларшйна, и съ прежнимъ на мелкихъ мѣстахъ только полтора аршина, а караблю грузъ два аршина съ четвертью, и въ мелкихъ мѣстахъ караблю пройти мочно, а Яковъ Полуехтовъ государева указу ослушаетца во всемъ, и кораблей проводить не хочетъ, и боленъ николи не бывалъ». Полуехтовъ оправдывался, что онъ полковнику и подъячему говорилъ: «въ Окѣ рѣкѣ вода велика и корабли гнать мочно, и полковникъ и подъячій ему отказали». Въ отвѣтъ на новое повелѣніе: идти изъ Дѣдинова въ Нижній, немедля и ни чѣмъ не отговариваясь, Буковенъ и Кишмутинъ писали: «въ Окѣ рѣкѣ вода мала, итти караблю не мочно, а кормщиковъ и гребцовъ прислано съ Коломны съ посаду и Коломенскихъ ямщиковъ сорокъ пять человѣкъ, а въ Окѣ ходу и мелей и каршъ не знаютъ, и кормщиковъ нѣтъ, и за кормщиками чинится мотчанье (остановка)». Полуехтовъ объявилъ, что «въ Окѣ рѣкѣ вода велика и кораблямъ итти мочно, а подъячій съ полковникомъ пьетъ и бражничаетъ, а о государевѣ дѣлѣ не радѣетъ, и чтобъ кораблямъ въ селѣ Дѣдиновѣ зимовать». На строжайшій указъ: вести суда безъ замедленія, подъ опасеніемъ Царской опалы и вычета всего жалованья, полученнаго со дня заложенія корабля, Буковенъ и Кишмутинъ прислали донесеніе: «Ноября съ 1-го числа по 4 число въ Окѣ рѣкѣ воды прибыло и съ прежнимъ только восемь пядей, а караблю грузъ девять пядей слишкомъ, и Яковъ Полуехтовъ на корабль не пошелъ, а селъ въ легкую лодку и покиня корабли поѣхалъ напередъ, невѣдомо куды, а въ прежнихъ своихъ отпискахъ писалъ на нихъ къ великому государю о всемъ ложно». Вслѣдъ за этимъ получена новая отписка: «Ноября 4-го числа морозы учинились быть большіе и по Окѣ рѣкѣ ледъ учелъ плыть большой; и корабли отъ того осенняго ходу заьели чтобъ отъ осенняго льду порухи

(поврежденія) какіебъ не учинилось, и корабли въ тое заводи замерзли». Въ опроверженіе Буковина и Кишмутина Полуехтовъ донесъ, съ засвидѣтельствованіемъ мѣстныхъ старостъ, что «Ноября 2 числа по Окѣ рѣкѣ изъ села Дѣдинова корабельной ходъ былъ и итти было мочно». Наконецъ послѣднее донесеніе полковника и подъячаго: «Ноября въ 8 день Яковъ Полуехтовъ покиня карабли, и якори, и всякіе карабленые припасы, и государевы всякіе остаточные казны, и не дождався государева указу, изъ села Дѣдинова съѣхалъ невѣдомо куды, а цѣловальниковъ у караблей и у казны никого не оставилъ».

По всѣмъ этимъ противорѣчивымъ показаніямъ Коломенскому воеводѣ велѣно было изслѣдовать на мѣстѣ истину, а между тѣмъ, 17 Ноября, все корабельное строеніе перешло въ вѣдѣніе Посольскаго Приказа, состоявшаго также подъ управленіемъ Ордина-Нащокина. Поводомъ къ этому перечисленію вѣроятно было то, что корабль, яхта и прочія суда, по окончательной ихъ отстройкѣ въ Дѣдиновѣ, уже долженствовали начать предназначенный имъ кругъ дѣйствій по торговлѣ съ Персіею, принадлежавшей уже къ вѣдѣнію Посольскаго Приказа, а не Приказа Новгородской Четверти.

Можно предполагать, что Дѣдиновское судостроеніе шло бы несравненно успѣшнѣе и съ меньшими задержками, если бы во все это время, съ самаго начала работъ, Ординъ-Нащокинъ не былъ отвлеченъ важными занятіями по дѣламъ Польши, послѣ отреченія Яна Казиміра остававшейся безъ короля, — а потомъ, отъ весны 1668 года, не находился за границею, для заключенія торговыхъ договоровъ съ Швеціею и Пруссіею, и для присутствованія, въ Варшавѣ, на избирательномъ сеймѣ. Онъ возвратился уже въ 1670 году, и вскорѣ за тѣмъ принялъ иноческій чинъ въ монастырѣ Іоанна Богослова, называемомъ Крыпецкимъ, въ двадцати верстахъ отъ Пскова.

Любопытно письмо его къ Царю Алексію Михайловичу, хотя и не относящееся прямо къ исторіи Русскаго флота, но отчасти поясняющее медленность, нерадивость и неповиновеніе, происходившія по сооруженію судовъ въ Дѣдиновѣ. «На Москвѣ, Государь», писалъ доблій бояринъ, «не радятъ о государственныхъ дѣлахъ—ей дурно! Посольскій приказъ есть око великой Россіи. Чтобы умножить, расширить, возвести государство, надобенъ вѣрный, зоркій глазъ избранныхъ и безпристрастныхъ людей, а это, дѣло, Государь, Посольскаго приказа. Честь для тѣхъ, кто свято хранитъ пользу отечества; униженіе тѣмъ, кто не рачитъ о важности и величіи его. Царь! Думные дьяки занимаются хитростьми и *кружечными* дѣлами» (*). Удивительно ли послѣ этого, что и Дѣдиновское дѣло производилось такъ вяло, съ такими непростительными ослушаніями и ссорами? Видимъ рѣдкую снисходительность кроткаго Царя Алексія Михайловича, и постигаемъ вполнѣ, что только съ твердою, желѣзною волею Петра, съ Его кипучею дѣятельностію, возможно было осуществить исполинскія предпріятія, имъ совершенныя.

Построенныя въ Дѣдиновѣ суда едва поступили въ завѣдываніе Посольскаго Приказа, какъ явился туда, 20 Ноября, Бутлеръ. Онъ только что пріѣхалъ изъ Амстердама, съ 13 иностранцами, нанятыми имъ по порученію Фанъ-Сведена, около этого времени умершаго, и такимъ образомъ не дожившаго до конца дѣла, начатаго при его усердномъ содѣйствіи и по его указаніямъ. Имя этого, во многихъ отношеніяхъ полезнаго для Россіи, человѣка, нераздѣльно, какъ мы видѣли, съ исторіею кораблестроенія въ нашемъ отечествѣ при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ.

Бутлеръ и его товарищи всѣ объявили себя въ По-

(*) Т. е. крѣпкими напитками.

сольскомъ Приказѣ уроженцами Голландіи и были записаны подъ слѣдующими именами и званіями: *Давыдъ Бутлеръ* — корабельный капитанъ, который на кораблѣ надъ корабельщикомъ и надо всѣми сарами вѣдаетъ; *Янъ Албертсъ* — корабельный кормщикъ и подъячій; *Петръ Бортельсонъ* — надъ корабельными сарами начальный человѣкъ и съ кормы до половины корабля надъ снастьми дозорщикъ; *Меиндертъ Меиндертенъ* — начальному человѣку, что надъ сарами, и дозорщику надъ снастьми товарищь; *Вигертъ Попкерсъ* — спереди отъ половины корабля надъ снастьми дозорщикъ; *Элисъ Петерсонъ* — товарищь парусному мастеру; *Корниліусъ Корнильсенъ* — корабельной пушкарь; *Карстенъ Брантъ* — корабельнаго пушкаря товарищь, который вѣдаетъ порохъ и пушечныя ядра; *Янъ Янсенъ Струйсъ* (Struys)—корабельнаго паруснаго дѣла мастеръ; *Вилимъ Вилимсонъ* — корабельнаго деревья и щегольный векшныхъ снастей мастеръ; *Корниліусъ Бракъ, Якобъ Трапенъ, Даніель Корнильсенъ, Петеръ Арентсенъ* — сары, корабельные работники. Всѣ они ѣхали чрезъ Ригу на Псковъ, откуда о путешествіи ихъ было повѣщено въ Москву, что ѣдутъ «изъ-за моря корабелнаго строенія мастеры и которые знаютъ небѣсное теченіе и морской путь».

Пока всѣ эти лица, въ ожиданіи дальнѣйшихъ о нихъ распоряженій, жили въ столицѣ, въ Бѣломъ городѣ, Полуехтовъ и Буковенъ были вытребованы въ Москву, для отданія отчета въ израсходованныхъ ими деньгахъ, и для полученія новыхъ приказаній. Происходившія между ними, во вредъ порученному имъ дѣлу, споры и ссоры повидимому остались безъ послѣдствій. Между тѣмъ Бутлеръ, подалъ, 5-го Декабря, въ Посольскій Приказъ, проектъ свой о постройкѣ 36 весельнаго судна, на образецъ Венеціанскихъ *каторгъ* или галеръ, и 20 весельнаго *баркантина*, или струга, о шести или семи однофунтовыхъ

пушкахъ, для дѣйствій въ Каспійскомъ морѣ противъ разбойниковъ, полагая употребить въ гребцы закованныхъ въ кандалы плѣнныхъ. Мысль эту поддерживалъ переводчикъ Посольскаго Приказа Виніусъ, сынъ перваго основателя Тульскихъ желѣзныхъ заводовъ, но онъ не ограничивался одною каторгою и однимъ баркантиномъ, а предлагалъ построить нѣсколько каторгъ, считая ихъ гораздо удобнѣйшими для Каспійскаго моря, нежели корабли, т. е. парусныя суда. «То море глубокостію не какъ океянъ, и того ради во время бури валы ходятъ не таковы велики какъ въ океянѣ, но часты, и тѣмъ кораблю чинится великая шкода (поврежденіе), а тою каторгою мочно угрести. Тѣ каторги гораздо лучше бусъ (*) крѣпостію, обороною и поспѣшеніемъ въ ходу, и великими бури тѣхъ не будетъ разбивати, какъ бусъ разбиваетъ часто. А будетъ сыщется рѣками великими путь въ Индѣю и промыслъ торговый учинителя, то самая великая прибыль великаго государя казнѣ и Московскому государству имать быти.» Такъ разсуждалъ Виніусъ въ своемъ предложеніи. Оба проекта или не были приняты, или исполненіе ихъ было отложено на неопредѣленное время. Вскорѣ потомъ Бутлеръ представилъ въ Посольскій Приказъ, карту Каспійскаго моря и статьи объ обязанностяхъ на кораблѣ капитана и подвѣдомственныхъ ему чиновъ

Въ началѣ Марта 1669 года, Бутлеръ ѣздилъ въ Дѣдиново, для осмотра построенныхъ тамъ судовъ, и по возвращеніи донесъ, что «корабли и яхта на Хвалимскомъ морѣ въ ходу сдѣланы годны». Посыланный съ нимъ Астраханскій житель и опытный мореходъ Савельевъ далъ отзывъ, «что и бусы де на Хвалимскомъ морѣ ходятъ, дѣлаютъ ихъ на тотъ же образецъ».

(*) Парусныхъ судовъ.

Въ отсутствіе Полуехтова и Буковена изъ Дѣдинова, вокругъ судовъ постоянно окалывали ледъ, и съ наступленіемъ теплаго времени, въ исходѣ Марта или въ началѣ Апрѣля, приступили къ окончательной ихъ отдѣлкѣ, что было поручено надзору Полуехтова. Бутлеру же и всѣмъ прибывшимъ съ нимъ изъ Голландіи, велѣно было готовиться къ отъѣзду въ Дѣдиново, водою, на стругѣ. Въ самое это время произошелъ случай, весьма непріятный для Ботлера. Одинъ изъ его соотечественниковъ, уже прежде проживавшій въ Москвѣ, подалъ на него доносъ въ разныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ по найму людей, и утверждалъ, что онъ, Бутлеръ, «писалъ себя корабельнымъ капитаномъ, не имѣючи на тотъ чинъ у себя паса, и на корабляхъ нигдѣ не бывалъ и корабелное дѣло ему не за обычай». Допрошенный въ Посольскомъ Приказѣ, Бутлеръ сознался въ обвиненіяхъ на него по первой статьѣ; и объявилъ, что хотя не имѣетъ патента на капитанскій чинъ, но въ знаніи своемъ морскаго дѣла, и въ томъ, что ходилъ на корабляхъ «начальнымъ человѣкомъ», во Францію, Англію, Испанію и Восточную Индію, ссылался на многихъ изъ своихъ единоземцевъ. Ему замѣтили, что «такъ дѣлать не годилось, также и капитаномъ не имѣючи у себя пасу писатца было не довелось же», и переименовали его изъ корабельныхъ капитановъ въ «корабельные дозорщики».

По окончаніи всѣхъ необходимыхъ распоряженій въ Москвѣ, 14-го Апрѣля, на Святой недѣлѣ, Бутлеръ явился во Дворецъ, былъ допущенъ къ Царской рукѣ и при этомъ случаѣ представилъ Государю челобитную, о которой въ дѣлахъ Посольскаго Приказа записано слѣдующее: «Служилъ де онъ въ Голанской землѣ на кораблѣхъ, и былъ во Французской и въ Шпанской земляхъ и въ иныхъ и въ многихъ опричныхъ государствахъ карабельнымъ дозорщикомъ; и въ прошломъ во 176 (1667) году, по указу его,

великаго государя, по писму Ивана Фанъ-Сведена, служа ему великому государю, нанялъ за моремъ карабельныхъ людей и всякіе снасти, что къ тому караблю принастоитъ, искупилъ, и покиня де онъ въ Амстрадамѣ жену свою и дѣтей, выѣхалъ къ нему государю къ Москвѣ, а быть мнѣ на Хвалимскомъ морѣ въ службѣ на караблѣ, и написали меня дозорщикомъ, а не капитаномъ, и чтобъ великій государь пожаловалъ его Давыда, велѣлъ бы ему служить на караблѣ капитанскую службу, а онъ ему великому государю долженъ служить какъ Богу». Снисходя на прошеніе Бутлера, «государь пожаловалъ, велѣлъ его написать капитаномъ».

Получивъ, по поданнымъ росписямъ, большую часть вещей недостававшихъ до полнаго вооруженія и снаряженія въ путь корабля и яхты, и часть пушекъ, Ботлеръ представлялся, 23-го Апрѣля, Государю вторично, на этотъ разъ со всѣми своими подчиненными, и вторично былъ допущенъ къ цѣлованію Царской руки.

Желая передъ отъѣздомъ своимъ въ Дѣдиновѣ произвесть пробу присланнымъ для корабля и яхты орудіямъ, Бутлеръ требовалъ на каждый выстрѣлъ пороха противъ вѣса ядра, и ссылался въ этомъ на правила, существовавшія въ Голландіи. Ему прислали, по заведенному въ Россіи обыкновенію, только половинное количество. Государь велѣлъ исполнить по требованію Бутлера. Въ присутствіи его и всѣхъ прочихъ Голландцевъ проба была сдѣлана: «пушки оказались всѣ цѣлыя и на яхту годны». Опытъ происходилъ 24-го Апрѣля, и въ тотъ же день послѣдовалъ Царскій указъ: «караблю, которой въ селѣ Дѣдиновѣ сдѣланъ вновь, прозванье дать *Орломъ*, и поставить на носу и на кормѣ по орлу; и на знаменахъ и на яловчикахъ нашивать орлы же».

Затрудненія, столько замедлявшія строеніе судовъ въ Дѣдиновѣ, въ 1667 и 68 годахъ, незамедлили повториться

и въ 1669 году. Такъ, напримѣръ, Полуехтову отказывали въ присылкѣ плотниковъ и кузнецовъ, безъ которыхъ нельзя было окончить порученныхъ его наблюденію работъ; виновный въ этомъ Коломенскій воевода вмѣсто грамотнаго подъячаго, прислалъ «посадскаго малаго, который писать и честь не умѣетъ». Тульскій воевода, обязанный получить отъ Марселиса, и препроводить на суда недосланныя пушки и ядра, обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ совершенное нерадѣніе; присланный подъ разныя тяжести стругъ, оказался вѣтхимъ и негоднымъ; словомъ во всемъ происходили задержки.

Въ послѣднихъ числахъ Апрѣля Бутлеръ отправился, съ своими спутниками, на стругѣ, въ Дѣдиново, получивъ передъ отъѣздомъ наказную память: «какъ ему быть на кораблѣ и ѣхать въ Астрахань, со всѣми карабелными людьми, а изъ Астрахани на Хвалимское море», и съ тѣмъ вмѣстѣ ему даны были, для исполненія «артикульныя статьи», имъ же самимъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, представленныя въ Посольскій Приказъ.

Пока Бутлеръ былъ на пути изъ Москвы въ Дѣдиново, Полуехтовъ доносилъ, отъ 2 Мая: «воды въ Окѣ рѣкѣ убываетъ, чтобъ кораблю не застоятца». Въ отвѣтъ на это ему приказали, въ тотъ же день: «съ кораблемъ и съ яхтою изъ села Дѣдинова въ Нижній итти не мѣшкавъ, не упуская нынѣшніе вешніе воды.» Вскорѣ послѣ этого пришло въ Москву донесеніе Полуехтова, что онъ «собрался съ кормщиками и съ работными людьми, съ кораблемъ и съ яхтою и со всѣми корабелными людьми, пошелъ изъ села Дѣдинова къ Нижнему 7-го Мая», не дождавшись отъ Тульскаго воеводы пушекъ и ядеръ.

Съ Бутлеромъ отправились изъ Дѣдинова, сверхъ пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Голландіи, еще слѣдующія лица: Поручикъ *Шакъ*, корабельщикъ *Гельтъ*, кормщикъ *Вилимъ фанъ-денъ-Стрекъ*, работный человѣкъ *Министеръ*,

толмачь *Шкрамъ*,—всѣ принятые въ 1667 году,—и нанятый въ самой Россіи работный человѣкъ *Дитрихъ Петерсонъ*. Всего подъ начальствомъ Бутлера состояло девятнадцать человѣкъ, къ которымъ въ послѣдствіи, едва ли уже не въ Астрахани, присоединился еще одинъ, также Голландецъ: лекарь *Термундъ*. Самый большой окладъ жалованья, Бутлеру, составлялъ, по переводу на Русскія деньги, 20 рублей, Гельтъ получалъ 16, Фанъ-ден-Стрекъ 13, Албертсонъ и Вилимсенъ по 11 рублей, 13 алтынъ и 2 деньги, Шакъ 8, работный человѣкъ Петерсонъ 7, Минстеръ 5, Шкрамъ 3, прочіе по 10 рублей въ мѣсяцъ. Остальные иноземцы, находившіеся у корабельнаго строенія, въ томъ числѣ Буковенъ и Старкъ, частію еще изъ Дѣдинова, а частію по прибытіи судовъ въ Нижній Новгородъ, возвратились въ Москву.

Единственное свѣдѣніе о плаваніи этого небольшаго флота, отъ Дѣдинова до самой Астрахани, сохранилось въ описаніи путешествій паруснаго мастера корабля «Орелъ», Стрейса. По его разсказу, суда пришли въ Нижній Новгородъ безъ приключеній и остановокъ, вѣроятно потому, что имѣли хорошихъ «провожатыхъ» или лоцмановъ. Они оставили Нижній Новгородъ, еще не бывъ всѣмъ снабжены, 13 Іюня, и приняли, для охраненія въ плаваніи къ Казани, тридцать пять Нижегородскихъ стрѣльцовъ. Здѣсь разстался съ ними Полуехтовъ, и флотъ поступилъ въ непосредственное управленіе Бутлера. Вмѣстѣ съ кораблемъ, яхтою, ботомъ и обѣими шлюпками или *шняками*,—какъ ихъ также называли,—пошелъ еще стругъ, съ пушками, снарядами и другими вещами, которыхъ по мѣлководію во многихъ мѣстахъ, не помѣстили на кораблѣ и яхтѣ. Часть тяжестей должно было оставить въ Нижнемъ, по причинѣ совершенной вѣтхости другаго струга, отпущеннаго Бутлеру, и въ

этомъ же городѣ были заказаны всѣ требовавшіяся для судовъ снасти.

Плаваніе отъ Нижняго Новгорода было не такъ благополучно, какъ предшествовавшее. На пути отъ Васильгорода къ Козьмодемьянску, корабль, по причинѣ убыли воды, нѣсколько разъ садился на мель, и потерялъ три якоря. Миновавъ Чебоксары, гдѣ Нижегородскіе лоцмана были смѣнены другими, также хорошо знавшими свое дѣло, и искусно проведшими суда среди отмелей, Голландцы прошли съ попутнымъ вѣтромъ до Казани и бросили якорь въ рѣкѣ Казанкѣ. Появленіе на этихъ водахъ военныхъ судовъ иностранной постройки было ново для большей части жителей, потому, что немногіе помнили корабль Голштинцевъ, и прибытіе ихъ было тѣмъ любопытнѣе, что тутъ впервые являлся корабль съ Русскимъ двуглавымъ орломъ на кормѣ, на носу, на флагѣ и на вымпелѣ. Воевода Князь Трубецкой, Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій Лаврентій, и многіе изъ жителей, пріѣхали на суда; толпы народа стояли по берегамъ. Послѣ тринадцатидневнаго пребыванія въ Казани, запасшись большимъ количествомъ сухарей, суда продолжали плаваніе внизъ по Волгѣ. Не разъ борясь съ вѣтрами, даже съ бурями; не разъ садясь на мель; стоявъ, за непогодою, по нѣскольку дней на одномъ мѣстѣ, и потерявъ еще одинъ якорь, уже четвертый со времени отплытія отъ Нижняго Новгорода, корабль, въ сопровожденіи прочихъ судовъ, пришелъ, 13 Августа, на видъ Астрахани. Обрадованные окончаніемъ долгаго, скучнаго и опаснаго путешествія, Голландцы бросили якорь при залпѣ изъ всѣхъ бывшихъ у нихъ пушекъ. Плаваніе ихъ, со времени отбытія изъ Дѣдинова, продолжалось слишкомъ три съ половиною мѣсяца. Черезъ недѣлю они подошли подъ самый городъ.

Одиннадцать съ половиною русскихъ саженъ длины

и три сажени ширины—по размѣру, назначенному Сведеномъ; съ небольшимъ девять пядей, или четвертей аршина въ грузу—по донесенію Буковена; три мачты и бушпритъ—по неясному рисунку, переданному Стрейсомъ на общемъ видѣ Астрахани, и 22 желѣзныя пушки отъ 2 до 6 фунтоваго калибра, по вѣдомости Пушкарскаго Приказа: вотъ всѣ данныя, какія дошли до насъ о кораблѣ «Орелъ», построенномъ по повелѣнію Царя Алексія Михайловича. О яхтѣ нѣтъ даже и этихъ скудныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что она была о 6-ти однофунтовыхъ желѣзныхъ пушкахъ. Все это слишкомъ недостаточно, чтобы составить ясное понятіе о сихъ двухъ судахъ.

По первоначальному назначенію, на корабль было повелѣно отпустить: 18 пушекъ шестифунтовыхъ и 4 трехфунтовыя, но дѣйствительно были присланы: 5 шестифунтовыхъ, 1 пяти-фунтовая, 2 четырехъ-фунтовыя, 11 трехъ-фунтовыхъ и 3 двухъ-фунтовыя. Къ каждому орудію, на кораблѣ и на яхтѣ, полагалось по 20 ядеръ. Сверхъ этого Бутлеру было отпущено 5 пудовъ фитиля, $32\frac{1}{2}$ пуда свинцу и 90 пудовъ пушечнаго пороху, и предполагалось снабдить экипажъ 200 ручными гранатами, но были ли послѣднія доставлены, неизвѣстно, потому что суда уже находились на пути отъ Дѣдинова къ Нижнему Новугороду, когда Пушкарской Приказъ отозвался неимѣніемъ такихъ гранатъ, также однофунтовыхъ пушекъ для яхты и мѣдныхъ ложекъ, или шуфлъ, для насыпанія въ картузы пороха. Здѣсь кстати замѣтить, что въ описываемую нами эпоху порохъ изготовлялся у насъ большею частію ручными мельницами; были и мельницы приводимыя въ движеніе водою, но въ весьма маломъ числѣ.

Корабль, яхта, ботъ и обѣ шлюпки, со всею ихъ принадлежностью, и съ жалованьемъ, израсходованнымъ во

время ихъ постройки, обошлись въ 9021 рубль, съ копѣйками.

Всѣ эти суда оставались въ Астрахани, въ бездѣйствіи, цѣлые десять мѣсяцевъ; сначала по неполученію всѣхъ недостававшихъ вещей и припасовъ, а потомъ по остановкѣ въ торговлѣ съ Персіею, произведенной страшными разбоями казаковъ, предводимыхъ Стенькою Разинымъ. Два года сряду неистовствуя на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, грабя купеческія суда съ товарами и не одинъ разъ разбивая посыланныя противъ него войска, онъ получилъ, въ Сентябрѣ 1669 года, прощеніе и явился съ своими сообщниками въ устьяхъ Волги. Это произошло черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Астрахань Царскихъ судовъ. Бутлеръ и нѣкоторые изъ его подчиненныхъ, побуждаясь любопытствомъ, посѣщали Разина, видѣли его буйныя пиршества, и не ожидали ничего чрезвычайнаго, какъ вдругъ гроза разразилась надъ ними и надъ Астраханью.

Помилованный Царемъ, Разинъ счелъ эту милость за слабость правительства, отправился на Донъ и набравъ новыя ватаги, вышелъ съ ними на Кубань и Куму, разорилъ множество татарскихъ и калмыцкихъ улусовъ, взялъ приступомъ Царицынъ и Черный Яръ и въ первыхъ числахъ Іюня 1670 года, остановился при Жареномъ Бугрѣ, въ восьми верстахъ отъ Астрахани. Городъ, окруженный каменною стѣною, имѣлъ для защиты своей до 12 т. войска, большею частію стрѣльцовъ, и состоялъ подъ управленіемъ опытнаго воеводы Князя Прозоровскаго. При такихъ обстоятельствахъ, толпы Разина не были бы опасны для Астрахани, но явились малодушные и предатели. Тайно подговоренныя Разинымъ, Царскія войска не только не отразили сдѣланнаго имъ, въ ночи на 22 Іюня, приступа, но еще способствовали ему. Нѣсколько часовъ Прозоровскій, съ небольшимъ числомъ пребыв-

шихъ вѣрными долгу, оборонялся противъ несоразмѣрныхъ силъ нападающихъ, но наконецъ долженъ былъ уступить. Разбойники сбросили его, пробитаго насквозь копьемъ, съ вершины башни.

Всѣ эти происшествія не могли не отразиться на Бутлерѣ, на его подчиненныхъ и на самыхъ судахъ, ему ввѣренныхъ. Приведя корабль «Орелъ» въ совершенную готовность къ выходу въ море, Бутлеръ построилъ, по порученію Прозоровскаго, и въ Апрѣлѣ 1670 года спустилъ на воду, «военное судно», предназначавшееся, въ случаѣ надобности, для дѣйствій противъ казаковъ, о замыслахъ коихъ уже носились въ народѣ тревожные слухи. Вѣроятно они во время дошли до Правительства, потому что еще въ Мартѣ мѣсяцѣ въ Астрахань пришло повелѣніе: Бутлеру и всѣмъ прочимъ Голландцамъ, ѣхать въ Москву. Постройка судна задержала ихъ, до самаго того времени, когда явно-угрожавшая опасность заставила Прозоровскаго, для успѣшнѣйшей обороны Астрахани, удержать всѣхъ иностранцевъ бывшихъ въ этомъ городѣ. Въ началѣ Іюня, когда двухъ неудовольствія и мятежа началъ проявляться въ самой Астрахани, Князь Прозоровскій велѣлъ Бутлеру быть, съ ввѣренными ему судами, въ ежеминутной готовности къ бою. Приказаніе было исполнено, но когда вслѣдъ за тѣмъ, при увеличивавшихся волненіяхъ между жителями, Бутлеръ сталъ совѣщаться съ своими соотечественниками, они всѣ подали одинъ голосъ: при очевидной безнадежности къ отраженію Разпна, оставить суда на произволъ судьбы, а самимъ, сѣвъ въ шлюпку, съ самыми необходимыми вещами, бѣжать въ Персію. Въ слѣдствіе этого Бутлеръ, съ лекаремъ Термундомъ, товарищемъ корабельнаго пушкаря Брантомъ и двумя матросами, отправился, для разныхъ закупокъ, въ городъ, а остальные Голландцы, между которыми были и двѣ матросскія жены, пересѣли въ одну

изъ шлюпокъ. Напрасно прождавъ Бутлера и его спутниковъ до полуночи, и полагая, что они, или избрали иной путь къ побѣгу, или задержаны въ городѣ, подчиненные его опасались оставаться долѣе подъ Астраханью, и пустились на произволъ судьбы, въ море. — Промедливъ слишкомъ долго въ городѣ, Бутлеръ, Брантъ, Термундъ, и оба матроса нашли ворота уже запертыми, и потому должны были переночевать на берегу. Отправившись по утру на корабль, они увидѣли его покинутымъ всѣмъ экипажемъ, и невольно возвратясь въ Астрахань, были свидѣтелями ужасовъ, произведенныхъ въ ней Разинымъ и его шайками. Бутлеръ, успѣвшій заслужить довѣріе Прозоровскаго, былъ имъ опредѣленъ, за Полуполковника, въ одинъ изъ полковъ находившихся въ Астрахани, а Брантъ поступилъ въ войска защищавшія Вознесенскія ворота. Бутлеръ, и безотлучно находившійся съ нимъ Термундъ, были захвачены мятежниками при взятіи города, но успѣли бѣжать, и подвергаясь разнымъ лишеніямъ, съ трудомъ пробрались въ Испагань, столицу Персидскаго Шаха. Прочіе Голландцы, отправившіеся изъ Астрахани на шлюпкѣ, послѣ бѣдственнаго плаванія вышли на берегъ недалеко отъ Дербента, гдѣ жители захватили ихъ въ неволю. По нѣскольку разъ перепродаваемые изъ рукъ въ руки, и испытавъ много несчастій, бывшіе спутники Бутлера достигли, наконецъ, разными путями, своего отечества. Нѣкоторые, не перенеся страданій, умерли; двое, Термундъ и Брантъ, возвратились въ Россію.

Корабль «Орелъ» былъ сожженъ Разинымъ. Остальныя суда, исключая шлюпки, на которой бѣжали Голландцы, — вѣроятно подверглись той же участи, если не сдѣлались добычею казаковъ, которые могли употребить ихъ въ свою пользу. Таковъ былъ исходъ «*корабельнаго дѣла*», предпринятаго Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, по мысли Ордина-Нащокина.

Около того времени, когда происходили безпорядки на Волгѣ и по прибрежьямъ Каспійскаго моря, нѣкто *иноземецъ Вегронъ* вошелъ въ Посольскій Приказъ съ предложеніемъ строить въ Россіи корабли, и другія морскія суда, не только для собственнаго употребленія, но и для продажи въ другія государства. «Есть подлинно», писалъ онъ, «что ни одинъ во всей вселенной есть, чтобъ такими малыми проторми, такое множество кораблей мочно велѣть дѣлать и содержати, какъ Его Величеству мочно, потому, что его земля обильна и слишкомъ имѣетъ лѣсу, пенку, желѣзо, смолу черную твердую и смолу жидкую судовую, и иные такіе товары, которые къ морскому дѣлу годны». Послѣдствія этого предложенія неизвѣстны.

Въ 1671 году Разинъ былъ разбитъ, схваченъ, привезенъ въ Москву и всенародно казненъ. Нарушенное имъ спокойствіе мало по малу было возстановлено, но строеніе военныхъ судовъ для Каспійскаго моря уже не возобновлялось. Такъ выгодно для Россіи заводившаяся торговля съ Персіею пришла въ упадокъ; объ Индіи не было и помышленій; обширные государственные виды Ордина-Нащокина, по удаленіи его, не нашли уже ревностнаго за себя предстателя; бояре, враждуя другъ съ другомъ, слабо радѣли о пользѣ общественной; дьяки, вершавшіе въ Приказахъ всѣ дѣла, занимались «кружечными дѣлами»; было не до флота и не до торговли, которой онъ долженствовалъ покровительствовать, а между тѣмъ, въ 1676 году, не стало и Царя Алексія Михайловича.

Почти двадцати годамъ суждено было пройти до того времени, когда нечаянный случай привелъ державнаго юношу, къ возобновленію въ Россіи «корабельнаго дѣла (*)».

(*) Въ рукописи этой статьи приведены указанія на источники; также необходимыя примѣчанія, выписки и проч. что въ журнальной статьѣ помѣстить было бы неудобно. *Пр. автора.*

Изъ Морского Сборника № 1, 1856.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.